

МАЛЕНЬКИЙ ПЕТУШАТНИК

ШАНДОР ФЕРЕНЦИ

Ференци (Ferenzi) Шандор (1873-1933) – венгерский психоаналитик, примкнувший в 1908 году к числу первых последователей З.Фрейда. Ференци был одним из ближайших друзей и соратников Фрейда (за время с 1908 по 1933 год они обменялись более чем тысячей писем). Ференци сыграл важную роль в истории психоаналитического движения. Например, он был одним из главных разработчиков устава Международной психоаналитической ассоциации, многие положения которого действуют и по сей день. По признанию Э.Джонса, официального биографа Фрейда, Ференци, одаренный богатым воображением и тонкой интуицией, был самым ярким и талантливым членом «внутреннего круга» Фрейда, который составляли К.Абрахам, О.Ранк, Г.Сакс, М.Эйтингтон и сам Э.Джонс. Ференци внес значительный вклад в развитие психоаналитической теории. Например, он ввел понятие интроекции, которое прочно вошло в широкий психологический обиход. Однако в наибольшей степени оригинальность Ференци проявилась в его понимании психоаналитической практики. В 20-30-х годах, испытывая неудовлетворенность по поводу длительности аналитической работы с пациентами, Ференци пытался интенсифицировать этот процесс, внося в него нововведения – так называемые активные техники. Модификации Ференци вступали в противоречие с классическими принципами воздержания, нейтральности, личностной анонимности и внешней пассивности аналитика, что вызывало открытое неодобрение со стороны Фрейда, однако это не привело к разрыву отношений между ними, как это было в случаях В.Штекеля или О.Ранка.

Для большинства читателей данная статья, перевод которой взят из сборника «Психоанализ детского возраста» (М. – Пб.: Гос. изд-во, 1924, с.108-115. – Сер. «Психологическая и психоаналитическая библиотека», вып. XI, под ред. проф. И.Д.Ермакова), будет, наверное, первой встречей с Ш.Ференци. В будущих номерах журнала мы планируем познакомить читателей и с другими работами этого выдающегося психоаналитика.

Текст печатается в современной орфографии с сохранением пунктуации оригинала.

Одна дама, в качестве бывшей пациентки принимающая участие в психоаналитическом движении, обратила мое внимание на случай, который, как она предполагала, должен был заинтересовать и нас.

Это был детский случай. Ребенку было тогда пять лет. Мальчик этот, по имени Арпад, развивался вполне правильно, и душевно, и телесно, вплоть до 3½-летнего возраста и был совершенно нормальным ребенком; в этом не расходятся показания всех родных; он прекрасно говорил и проявлял в своих речах хороший интеллект.

Вдруг все изменилось. В 1910г., летом, вся семья отправилась в один из австрийских курортов, в тот же самый, в котором семья проводила и предшествовавшее лето; квартиру сняли ту же самую, что и в прошлом году. Тотчас же по приезде туда ребенок переменялся весьма странным образом. До этого времени он, и дома и вне дома, проявлял интерес решительно ко всему, что способно вызвать интерес ребенка; теперь у него был только единственный интерес, предметом которого оказался курятник, помещавшийся на дворе около дачи. С раннего утра он спешил к птицам, разглядывал их с неутомимым любопытством, подражал их крикам и движениям, кричал и плакал, если его насильно удаляли из курятника. Но и вне курятника все его времяпрепровождение, все его занятия сводились исключительно к клохтанью, кудахтанью и воркованью. Он проделывал это, не переставая, целыми часами, на вопросы он отвечал только по-птичьи, так что мать не на шутку опасалась, как бы он не научился говорить.

Такая странность держалась у маленького Арпада в течение всего времени пребывания на даче. Когда семья вернулась в Будапешт, он опять заговорил по-человечески, однако, в разговорах своих по-прежнему продолжал заниматься почти исключительно петухами и курами, да разве еще кроме того гусями и утками. У него была все та же обычная игра, бесконечное число раз повторявшаяся им в течение дня: он мял газетную бумагу, делал из нее петухов и кур, предлагал их в виде продажного товара, затем он брал какой-нибудь предмет (большей частью маленькую плоскую метелку), называя его ножом, нес бумажных птиц к раковине водопровода (где кухарка имела обыкновение и в действительности резать кур) и отрезал им шеи. Затем он показывал, как птица истекает кровью, и мастерски имитировал ее агонию голосом и телодвижениями. Если на дворе появляется торговец, предлагающий купить кур, то Арпад становится неутомим, беспрестанно выбегает к дверям и обратно и не успокаивается до тех пор, пока мать не купит их. Он определенно желает присутствовать при убое курицы, зато у него порядочный страх перед живыми петухами.

Родители чрезвычайно часто спрашивали Арпада, почему петух его так пугает, и он всегда рассказывал одну и ту же историю: однажды он отправился в курятник и стал мочиться там, но в этот момент подоспел петух или каплун желтого цвета (иногда он говорит – коричневого цвета) и больно

клянул его прямо в половой орган. Горничная Илона перевязала ему ранку, а петуху отрезали шею, так что он «подох».

Родители действительно помнят об этом происшествии, случившемся во время первого проведенного в этом курорте лета, когда мальчику было 2½ года. В один прекрасный день мать услышала ужасный крик мальчика и узнала от горничной, что он страшно напуган петухом, схватившим его за половой орган. Так как Илона у них больше не служит, то нельзя было точно выяснить, было ли действительно нанесено ребенку ранение или, как помнится матери, Илона сделала ему перевязку только для вида, чтобы успокоить его.

Но вот что своеобразно во всей этой истории: психическое последствие этого переживания сказалось у ребенка после скрытого периода, продолжавшегося целый год, когда семья во второй раз поселилась на даче в прежней квартире, причем в течение всего скрытого периода не произошло ничего такого, чем можно было бы объяснить внезапный возврат страха перед птицами и интереса к ним. Несмотря на отрицательный характер этого рассказа, я все же не мог не поставить близким ребенка следующего вопроса, вполне законного с точки зрения психоаналитического опыта: я спросил, не угрожали ли ребенку за этот период времени отрезать половой орган в наказание за склонность к ощупыванию половых частей. Ответ, данный с неохотой, был следующий: в настоящее время (т.е. в возрасте пяти лет) мальчик действительно охотно играет своим членом, за что его частенько наказывают; отнюдь «не невозможно», что кто-нибудь из взрослых действительно пригрозил ему «в шутку», что ему могут отрезать член; скверная привычка играть членом отмечается у ребенка уже довольно давно, трудно, однако, сказать, существовала ли она и в том периоде времени между двумя поездками на дачу в курорт.

Из дальнейшего выяснится, что позже Арпаду действительно приходилось слышать подобные угрозы, так что мы считаем себя вправе думать, что наше предположение о действительной причине страшного волнения ребенка при вторичном посещении курорта – места первого страшного переживания, когда его члену угрожала опасность, – вполне вероятно: причина эта – угрозы кастрацией, слышанные им в промежутке между этими поездками. Конечно, невозможно совершенно исключить и еще одну, другую возможность: может быть, ребенок слышал эти угрозы до первой поездки на дачу, потому-то и страх его, когда его задел петух, оказался таким преувеличенным, – резкое же волнение при виде птиц на даче во второй раз возникло в результате повышения либидо у ребенка за этот промежуток времени. Восстановить все эти события, к сожалению, было уже невозможно, и нам приходится поэтому довольствоваться предположением о вероятности указанных нами причинных соотношений.

При исследовании ребенка не удалось отметить чего-либо резкого или ненормального. Однако едва он очутился в моей комнате, как из всех находящихся в ней в большом числе безделушек его внимание тотчас же остановилось как раз на маленьком бронзовом глухаре; он взял его в руки,

подошел ко мне и спросил: «Не подаришь ли ты мне его?» Я дал ему бумагу и карандаш, и он тотчас же (и очень недурно) нарисовал петуха. Затем я предложил ему рассказать мне всю эту историю про петуха. Но он уже испытывал скуку, и ему хотелось домой, к своим игрушкам. Итак, прямое психоаналитическое обследование оказалось невозможным и мне пришлось ограничиться тем, чтобы просить даму, заинтересованную этим случаем, делать заметки, записывать его странные изречения и поступки: дама эта имела возможность, в качестве соседки и близкой знакомой, наблюдать его целыми часами. Сам я мог констатировать только то, что мальчик умственно очень подвижен и не лишен одаренности; правда, его умственные интересы и дарования странным образом сосредоточены на царстве пернатых. Он мастерски клохчет и поет «кукуреку». По утрам он просыпается раньше всех и будит все семейство звучным «кукуреку» – настоящий Chanteclair. Он музыкален, но поет исключительно такие песенки, в которых встречаются упоминания о петухах, курах или о чем-либо подобном; особенно же любит он песенку:

«В Дебрецен хочу поехать,
чтоб купить там индюка».

Затем еще две песенки:

«Курочка, курочка, цып, цып, цып, цып»

и

«Под окошком два цыпленочка.
Два петушка и курочка».

Кроме того он рисует – как уже сказано – но изображает исключительно птиц с большим клювом, правда, очень удачно. Мы видим таким образом те направления, по которым он пытается сублимировать свой патологически чрезмерный интерес к этим животным. Родителям пришлось, в конце концов, примириться с этими вкусами ребенка, так как запреты были совершенно бесполезны; они согласились даже на покупку целого ряда игрушек, изображавших птиц, сделанных из небьющегося материала; мальчик устраивал разные игры-фантазии с этими игрушками.

В общем, Арпад – мальчуган веселый, но он чрезвычайно упрям, если его задевают или бьют. Он почти никогда не плачет, никогда не станет просить извинений. Наряду с этими качествами у него ясно заметны намеки на настоящие невротические черты: он пуглив, видит много сновидений (конечно, о птицах) и часто беспокойно спит.

Моя сотрудница отметила целый ряд странных поступков и изречений мальчика; по большей части эти данные говорят об исключительной склонности к фантазиям на тему о жестоких истязаниях птиц. Я уже говорил о типичной для него игре, подражании убийства кур; должен добавить, что и в сновидениях о пернатых он по большей части видит «дохлых» кур и петухов. Я дословно приведу некоторые изречения мальчика:

«Мне хотелось бы, – сказал он как-то совсем неожиданно, – чтобы у меня был живой ощипанный петух. Без крыльев, без перьев и без хвоста, с одним гребнем. Но он должен ходить».

Кухарка только что зарезала курицу, и Арпад начинает играть этой курицей. Затем он внезапно идет в соседнюю комнату, берет там на туалете щипцы для завивания, идет к курице и восклицает: «Сейчас я выколую слепые глаза этой подошедшей курице». Когда на кухне режут птиц, то это для него настоящий праздник. Он способен целыми часами в крайнем возбуждении прыгать и танцевать вокруг убитой птицы.

Кто-то из домашних спросил его однажды, указывая на зарезанную курицу: «Хотелось бы тебе, чтобы она опять ожила?» – «Черта я хочу, я сейчас же убил бы ее сам».

Он часто играет картофелем или репой (объявляя, что это – куры), изрезывая их ножом на мелкие кусочки. Ему как-то во что бы то ни стало хотелось разбить об пол горшок, на котором были изображены куры.

Но чувства, которые он питает по отношению к пернатым, отнюдь не исчерпываются одной ненавистью и жестокостью: чувства эти явственно *амбивалентны*. Очень часто он гладит и целует убитую им птицу или же, подражая кухарке, «кормит» маисом деревянного гуся, при этом он все время клохчет и пищит. Однажды он разгневался на свою небьющуюся куклу (курицу) за то, что ее нельзя разорвать, и тут же бросил ее в печку, но сейчас же вытащил ее обратно, почистил и расцеловал. Зато на долю животных, изображенных в его альбоме с картинками, выпала более горькая судьба: он изорвал их в куски и не мог потом вернуть им жизнь, что очень его огорчало.

Если бы подобные симптомы наблюдались у взрослого душевнобольного, то психоаналитик, не колеблясь, истолковал бы эту чрезмерную любовь и ненависть к птицам в смысле перенесенности бессознательных аффектов, направленных по сути на людей, вероятнее всего на близких родственников, но вытесненных и могущих проявиться лишь подобным искаженным и смещенным способом.

Желание ощипать и ослепить птицу он истолковал бы, как символ кастрационных замыслов и стал бы рассматривать весь симптомокомплекс как реакцию на чувство страха, вызванное в ребенке мыслью, что он будет кастрирован. Амбивалентность установки вызвала бы у аналитика подозрение, что в душевной жизни больного борются противоречивые чувства; на основании многочисленных фактов опыта он должен был бы предположить, что эта амбивалентность, по всей вероятности, направлена на отца, которого он вообще чтит и любит, но которого он в то же время должен и ненавидеть, так как он налагает на него строгие сексуальные ограничения. Одним словом, аналитическое толкование свелось бы к следующему: *петух во всем симптомокомплексе означает отца*¹. Что касается маленького

¹ В очень большом числе проанализированных сновидений и неврозов за фигурой животного скрывалась личность отца. См. *Фрейд*. «Анализ фобии у 5-летнего мальчика» (Jahrbuch für Psychoanalyse, I том, с.1) и «Сказочные сюжеты в сновидениях» (тот же журнал, тетрадь 2). – В личной же беседе Фрейд сообщил мне, что одна из его работ, имеющая быть опубликованной в «Imago» (Совпадения etc), воспользуется этой идентичностью для объяснения тотемизма.

Арпада, то тут нам не придется трудиться над толкованием. Работа вытеснения не успела еще окончательно замаскировать у него действительное значение всех этих странностей; первичное и вытесненное еще просвечивает в его речах, а иногда оно даже совершенно ясно проступает наружу, причем с изумительной откровенностью и грубостью.

Его жестокость часто проявляется и в отношении к людям, причем замечательно, что часто она направлена на половые органы взрослых.

«Я вот задам им по заднице», сказал он однажды с удовольствием одному мальчику, несколько постарше себя. «Я им вырежу середину», сказал он в другой раз с еще большей ясностью.

Его нередко занимает идея ослепления. «Можно ли ослепить человека огнем или водой?» спросил он однажды соседку.

(Замечательно, что он очень интересуется половыми органами птиц. Всякий раз, когда режут птицу, он требует, чтобы ему сказали, какого она пола.)

Он подбежал к постели одной взрослой девушки и воскликнул: «Я отрежу тебе голову, положу ее на твой живот и съем ее».

Однажды он сказал совершенно неожиданно: «Я хотел бы покушать запеченную мать (по аналогии, с запеченной курицей); надо бы положить мою мать в горшок и сварить ее, получилась бы запеченная мать, и я мог бы поесть». (При этом он ухмыляется и танцует.) «Я бы отрезал ей голову и стал бы есть – вот так». (При этом он делает руками движения, имитирующие употребление ножа и вилки во время еды.)

Но тотчас же после проявления этих каннибальских позывов у него появляются противоположные настроения, как бы раскаяние: он проявляет мазохистическую жажду жестоких наказаний.

«Я хочу сгореть, – восклицает он теперь. – Отломайте мне одну ногу и положите ее на огонь».

«Я отрежу себе голову. Я хотел бы изрезать себе рот, чтобы у меня не было рта».

И как бы для того, чтобы нельзя было сомневаться, что под петухом, курицей и цыпленком он подразумевает собственную семью, он как-то, вдруг, неожиданно говорит: «Мой отец – это петух!» В другой же раз: «Теперь я маленький, я теперь цыпленок. Когда я буду больше, я стану курицей. Я когда стану еще больше, то буду петухом. Когда я буду больше всего, то я буду кучером». (Кучер, правящий лошадьми, по-видимому, импонирует ему даже больше отца.) После подобного признания со стороны мальчика, – признания вполне самостоятельного, не вынужденного чьим-нибудь влиянием, мы начинаем несколько больше понимать то страшное волнение, с которым он в свое время неустанно наблюдал жизнь кур и петухов на птичьем дворе.

Все семейные тайны, которые тщательно скрывались от него домашними, он мог вполне удобно изучать на птичьем дворе; «сердобольные животные» открыто показали ему все то, что ему хотелось видеть, главным же образом свою оживленную половую жизнь, кладку яиц, вылупливание из

яиц молодого поколения. (Расположение квартиры, занимаемой семьей Арпада, таково, что мальчик без всякого сомнения мог подслушивать и дома те же процессы. Интерес, пробудившийся в нем таким образом, он должен был удовлетворять потом бесконечным рассматриванием птиц.)

Арпад и дальше не остался у нас в долгу: он подтвердил и ту часть моего предположения, которая сводила патологическую боязнь петухов в последнем счете к угрозе кастрации в наказание на онанизм.

Как-то утром он спросил соседку: «Скажите, почему люди умирают?»

Ответ. «Потому что они стареют и утомляются».

«Гм! Значит, и моя бабушка тоже была старой? Нет! Она была не старая и все-таки умерла. О, если существует бог, то почему он допускает, чтобы я постоянно падал (он подразумевает: спотыкался, падал на дороге). И почему он делает так, что люди должны умирать?» Затем он начинает интересоваться ангелами и душами, но ему дается объяснение, что все это только сказки. Он совершенно застывает от страха и говорит: «Нет! Неправда! Ангелы бывают. Я сам видел одного из них, он носит мертвых детей на небо». Потом он спрашивает в ужасе: «Почему умирают дети?», «Как долго можно жить на свете?». С трудом удается успокоить его.

После же выясняется, что в тот же день утром горничная внезапно подняла его одеяло, и увидав, что он манипулирует со своим членом, пригрозила, что ему отрежут член. Соседка пытается успокоить его и говорит, что ему не сделают ничего дурного. Она говорит ему, что и все прочие дети делают то же самое, что сделал он. В ответ на это Арпад вскрикивает с негодованием: «Это – неправда! Не все дети! Мой папа никогда не делал этого».

Теперь нам более понятна его ненасытная ненависть к петуху, который хотел сделать с его членом именно то, чем угрожали ему взрослые; понятно также и его глубокое уважение к этому сексуальному животному, которое дерзает делать то, чего, как ему внушено, он должен страшно опасаться; нам понятны теперь и те жестокие кары, которые он призывает на свою голову (в наказание за онанизм и садистические фантазии).

Точно желая дать нам полную картину, он начинает в последнее время усиленно интересоваться религиозными идеями. Все бородатые евреи внушают ему великое, смешанное со страхом, почтение. Он просит мать, чтобы она пригласила этих нищих войти в квартиру. Но если кто-нибудь из них на самом деле придет в дом, то он прячется и рассматривает гостя на почтительном расстоянии; однажды он сказал при уходе такого гостя: «Теперь я – курица нищего». Старые евреи, как он говорит, интересуют его потому, что они приходят «от бога» (из храма).

В заключение приведем еще одно из выражений Арпада; оно показывает, что он недаром так долго наблюдал за половой жизнью кур. Однажды он совершенно серьезно сказал соседке: «Я женюсь на вас и на вашей сестре и на моих трех кузинах и на кухарке, нет, лучше на маме вместо кухарки».

Он, значит, действительно собирается стать «петухом» в курятнике.